

Хэллоуин — День Всех Святых.

Тихой сапой, крадучись, на цыпочках, тайком.

Но почему? Для чего? Каким образом! Кто?
Когда! Где всё это началось?

— Ты не знаешь, не так ли? — спрашивает Карапакс Клавикула Саван-де-Саркофаг, вылезая из вороха листьев под Древом Хэллоуина. — Конечно, не знаешь!

— Н-ну, — отвечает Том Скелет, — гм... не знаю.

Это началось...

В Египте, четыре тысячи лет тому назад, на годовщину великой гибели Солнца?

Или на миллион лет раньше, в отблесках ночных костров троглодитов?

Или при друидах, в Британии, под ссссвисссст и сссскрежжет косы Самайна?

Или в гуще ведьмаков, по всей Европе... среди сонма ворожей, чертовых перечниц, магов, демонов да дьяволов?

Или в небе Парижа, где окаменели зловещие создания и превратились в горгулий собора Нотр-Дам?

Или в Мексике на кладбищах, переполненных огнями свечей и сахарными человечками в День мертвых — El Día de los Muertos?

Или где-то еще?

Тыквы, ухмыляясь, тысячами зыркнули с Древа Хэллоуина, и вдвое больше вырезанных глазищ вспыхнули, подмигнули и зажмурились при виде Савана-де-Саркофага, возглавляющего мальчишечью ватагу из восьми... нет, девяти (а где Пипкин?) пакостников — охотников за сладостями, чтобы отправиться в странствие на взмывающей листве, на помеле и реющем воздушном змее, дабы узнать тайну Дня Всех Святых.

И они ее узнают.

— Ну, — спрашивает Саван-де-Саркофаг в конце пути, — что это было? Пакости или сладости?

— И то и другое! — соглашаются все.

И вы бы согласились.

Рэй БРЭДБЕРИ

Мадам Маньха Гарро-Домбазль!
Вам — с любовью, на память о нашей встрече двадцать семь лет тому назад, однажды в полночь на кладбище острова Ханицио на мексиканском озере Пацукаро, которую я вспоминаю каждый год в День поминовения усопших.

ГЛАВА I

Э то случилось в городишке на берегу речушки неподалеку от озера в уютном местечке на севере штата на Среднем Западе. Нельзя сказать, что природа заслоняла собой город, впрочем, и город не мешал созерцанию и осязанию природы. Город густо зарос деревьями. Травы и цветы увяли и пожухли с наступлением осени. А еще повсюду торчали ограды, чтобы ходить по ним, балансируя, и тротуары, чтобы кататься на роликах, и большой овраг, чтобы бросаться в него очертя голову и орать что есть мочи. А еще город кишел...

Мальчишками.

И близился вечер Хэллоуина.

И все дома захлопнулись, спасаясь от холодного ветра.

И хладное солнце освещало город.

И вдруг дневной свет померк.

Из-под каждого дерева и сарая выползла ночь.

За дверями всех домов — мышиная возня, сдавленные крики, быстрое мельтешение огоньков.

За одной такой дверью замер и прислушался тринадцатилетний Том Скелтон.

Ветер на улице вил себе гнезда на каждом дереве, шнырял по тротуарам, оставляя незаметные следы, словно кот-невидимка.

Том Скелтон поежился. Ветер той ночью дул иначе, и тьма ощущалась по-особому, а как же, ведь наступил канун Дня Всех Святых. Могло померещиться, будто все вокруг выкроено из мягкого черного, или золотистого, или оранжевого бархата. Дымки клубились из тысячи труб, словно шлейфы за похоронными процессиями. Из кухонных окон струились два аромата — рубленой тыквы и тыквенного пирога.

Чем больше мальчишечьих теней проносилось под окнами, тем истошнее становились крики за запертыми дверями — полуодетые мальчуганы — щеки измазаны гримом; вот горбун, вон великан... среднего роста. Перерыты чердаки, взломаны старые замки, древние сундуки выпотрошены в поисках костюмов.

Том Скелтон напялил свои кости.

Он ухмыльнулся, взглянув на позвоночник, грудную клетку, белеющие коленные чашечки, пришитые на черный хлопок.

Повезло мне! Подумал он. Какое имечко! Том Скелтон. Для Хэллоуина лучше не придумаешь! Все тебя кличут — Скелёт! Что же остается надеть? Кости.

Бабах. Восемь дверей гроыхнулись и захлопнулись.

Восемь мальчишек великолепно перемахнули через цветочные горшки, перила, увядшие папоротники, кусты, приземляясь на задубевшие, словно накрахмаленные, лужайки. Пытаясь урвать на скаку напоследок простыню, прилаживая последнюю маску, напяливая странные грибные шляпки или парики, крича в восторге от того, как ветер подхватывал их, подталкивая на бегу, или изрыгая мальчишечьи проклятия, когда маски слетали, или съезжали набок, или забивали ноздри запахом подкладки, словно горячим песьим дыханием. Или просто исторгали восторг от осознания своего существования и на свободе в эту ночь раздували легкие и надрывали глотки, чтобы вопить, вопить... вопиииить!

Восемь мальчишек налетели друг на друга на перекрестке.

— А вот и я — Ведьмак!

— Пещерный человек!

— Скелет! — с наслаждением выпалил Том в костюме из костей.

— Горгулья!

— Попрошайка!

— Смерть собственной персоной!

Бум! Они столкнулись, отлетев назад, и с ликованием столпились на углу под уличным фонарем, который отплясывал на ветру, звоня, словно церковный колокол. Кирпичи мостовой превратились в палубу пьяного корабля, который раскачивался, зачерпывая то свет, то тьму.

Под каждой маской — мальчик.

— Ты кто? — ткнул пальцем Том Скелтон.

— Не скажу. Секрет! — завизжал Ведьмак неузнаваемым голосом.

Все захохотали.

— Ты кто?

— Мумия! — гаркнул мальчик, под пеленой древнего пожелтевшего савана, словно гигантская сигара, бредущая по ночным улицам.

— А кто?..

— Некогда! — отрезал Некто под покровом очередной тайны из марли и краски. — Пакости или сладости!

— Даааа! — С завыванием и гоготом предвестников смерти — банши — они понеслись, избегая тротуаров, взлетая над кустарником и сваливаясь на головы скулящих собак.

Но внезапно в разгар беготни, хохота и тьяк-ня их остановила могучая десница ночи и ветра, и они замерли, учуяв что-то неладное.

— Шесть, семь, восемь.

— Не может быть! Пересчитай.

— Четыре, пять, шесть...

— Нас должно быть девять! Кого-то не хватает!

Они обнюхали друг друга, как боязливые зверушки.

— Пипкина нет!

Как они догадались? Ведь они скрывались под масками. И все же, все же...

Они ощущали его отсутствие.

— Пипкин! Он бы ни за что не пропустил Хэллоуин. Ну и ну! Жуть! Ходу!

Сделав широкий разворот, они как один припустились мелкой рысцой и, описав круг, потопали по середине улицы, мощенной булыжником и кирпичом, подгоняемые, как листва перед бурей.

— Вот его дом!

Они встали как вкопанные. Дом Пипкина, но в окнах что-то маловато тыкв, не хватает кукурузных снопов на веранде, призраки не таращатся сверху сквозь темные стекла комнаты в башенке.

— Вот те на, — сказал кто-то, — а что, если Пипкин заболел?

— Какой же Хэллоуин без Пипкина?

— Никакой не Хэллоуин, — застонали они.

И кто-то запустил в дверь Пипкина дичком, который отскочил с глухим стуком, словно кроличья барабанная дробь о дерево.

Они подождали, беспричинно опечаленные и озадаченные. Они думали о Пипкине, о Хэллоуине, который грозил превратиться в гнилую тыкву с огарком свечи, если, если, если... с ними не будет Пипкина.

Ну же, Пипкин. Выходи, спасай положение!

ГЛАВА 2

Почему они ждали, переживая из-за одного маленького мальчугана?

Потому что...

Джо Пипкин слыл самым незаурядным мальчишкой на свете. Кто еще мог так неподражаемо свалиться с дерева и рассмеяться над самим собой? У кого хватило бы благородства на беговой дорожке, чтобы споткнуться и упасть при виде безнадежно отставших товарищей, дожидаться, когда они подтянутся, и пересечь финишную ленточку вместе с ними? Кто еще мог с таким азартом облазить все зловещие дома в городе и рассказать про них остальным ребятам, чтобы отправиться ватагой бродить по подвалам и карабкаться по плющу на кирпичные стены, орать в печные трубы, писать с крыш, гикать, улюлюкать и обезьянничать? В день, когда Джо Пипкин появился на свет, со всех бутылок с шипучкой

и газировкой сорвало крышки и пчелы жизнерадостно набросились на цветущих сельских девиц. В дни его рождения посреди лета озерная вода выходила из берегов и откатывалась, увлекая за собой волну бултыхающихся мальчишек под громopodobный хохот.

На рассвете, лежа в постели, ты слышал постукивание птичьего клюва в окно. Пипкин.

Окунаешься с головой в утренний воздух лета, прозрачный, как ледниковая вода.

В росе лужайки цепочка кроличьих следов, где мгновение назад не дюжина кроликов, а всего один бегал то кругами, то наискосок, в безудержном восторге перемахивал через заборы, сбивая верхушки папоротников, протаптывая в клевере колеи, словно рельсовые пути на сортировочной. В траве мильон торных тропок, но где же...

Пипкин.

И тут он восставал из сада, словно беспризорный подсолнух, круглолицый, загоревший в свежих солнечных лучах. Его глаза метали искорки азбукой Морзе:

— Живее! А то кончится!

— Что?

— День! Миг! Шесть утра! Окунайся в него с головой!

Или же:

— Лето! Оглянуться не успеешь, и бац — нет его! Шевелись!

И он нырлял в подсолнухи и выныривал среди луковиц.

Пипкин, ах, бесценный Пипкин, самый лучший и восхитительный среди мальчишек.

Как он умудрялся так быстро бегать — уму непостижимо. Тенниски у него обветшали, окрасились зеленью лесов, по которым он носился, побурели во время прошлогодней уборки урожая в сентябре, замарались дегтем от беготни по причалам, где швартовались угольные баржи, пожелтели от собачьих неожиданностей, занозились от лазанья по деревянным заборам. Одежду он заимствовал у огородного чучела и давал поносить на ночь своим собакам для прогулок по городу, после чего на ней оставались обкусанные манжеты и следы падений на сиденье.

Шевелюра? Его волосы кинжально щетинились во все стороны, как у дикобраза. Уши — чистейший персиковый пушок. Ладони в рукавицах пыли пропахли эрдельтерьерами, перечной мятой, персиками, уворованными в сельских садах.

Пипкин. Сгусток быстроты, запахов, мускулов, воплощение всех мальчишек, которые когда-либо бегали, падали, вскакивали, снова пускались бежать.